

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Т. Н. Сыманович

(Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина)

Социокультурная ситуация на постсоветском пространстве в настоящее время демонстрирует целый спектр серьезных противоречий во взаимодействии человека с обществом и миром. Тотальное наступление массовой культуры, кризис института семьи, манипулирование человеком со стороны различных социальных групп, возрастание разрушающего воздействия на окружающую среду – все это заставляет ученых все настойчивее говорить о социальном кризисе современного человека. Изменение целевой и содержательной сторон образования выводит на первый план формирование активной, творческой, самостоятельной личности, имеющей установку на постоянное самосовершенствование, «самостроительство». В этой связи принципиально важной исследовательской задачей является изучение прогностического потенциала древнерусской духовной традиции, творческое осмысление и использование в современной педагогической практике методов и средств духовно-нравственного совершенствования человека, представленных в этико-педагогическом наследии Киевской Руси.

Наиболее распространённым методом воспитания в педагогической традиции Киевской Руси был метод убеждения, призванный содействовать формированию нравственного сознания индивида, взглядов, понятий, установок поведения. Древнерусские просветители считали своей первейшей обязанностью разъяснить людям сущность моральных требований, их смысл и значение в нравственном совершенствовании, а самое главное – убедить человека в том, что смысл его жизни состоит в достижении победы духа над плотью, в приближении к нравственному идеалу.

Следует отметить, что применение метода убеждения в воспитательной практике изучаемого периода отличается от его современного использования и трактования. В современной педагогике убеждение предполагает разумное доказательство определенного понятия, нравственной позиции и т. д., метод убеждения строится на использовании четкой логической аргументации [1, 17]. Мыслители Киевской Руси, применяя метод убеждения, опирались главным образом, не на логику суждений, а на апелляцию к чувствам индивида. Феодосий Печёрский при использовании метода убеждения делал акцент на эмоциональном воздействии, он опирался на заложенное в каждом человеке желание стать лучше, совершеннее. В «Слове о терпении, и о любви, и о посте» мыслитель призывает: «Да не уподобимся тем роптивым, которые чрева ради пали в пустыне» [2, 157].

Мастером словесного воздействия на сознание людей являлся Кирилл Туровский. Поучения, слова, молитвы туровского мыслителя были нацелены на то, чтобы сформировать в человеке стремление стать высоконравственной личностью. Кирилл говорил о том, что именно через познание окружающего мира с позиций веры, через подавление в себе греховного, плотского начала индивид может приблизиться к идеалу нравственности. Мыслитель убеждал, что нравственный человек имеет ум истинный, размышляющий [2, 193]. Кирилл призывал: «Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись, постараемся делом исполнить это» [2, 193]. В произведениях туровского Златоуста неоднократно обращается внимание на то, что приобщение к знанию не только делает достоянием индивида определенную систему ценностей и моральных норм, но также и пробуждает в нём желание духовного роста.

Кирилл Туровский, убеждая человека принять строгую духовную дисциплину,

обращался к его чувствам и эмоциям. В «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» философ внушает: «Те, кто ради Господа оставит и отца, и мать, и имущество...сторицею примут, и жизнь вечную наследуют» [2, 208].

В духовной традиции Киевской Руси метод убеждения находился в тесном взаимодействии с методом положительного примера. Восточнославянские просветители не только поучали, наставляли, разъясняли, каким образом человек может стать совершеннее, какие нравственные качества он должен в себе развивать, но и обращали внимание на конкретные примеры тех, кто сумел в себе развить требуемые моральные свойства, чья жизнь является образцом нравственного поведения.

Метод положительного примера выходит на первый план в воспитательных идеях агиографической литературы. В «Житии Феодосия» в качестве положительного примера выступает сам печерский игумен. Нестор пишет, что Феодосий, «не бо ником же бе напраси, ни гневлив, ни яр очима, но милосерд и тих» [3, 53]. Вся его жизнь состоит из молитвы, учительства и труда. Отсюда и назидание читателю – человек должен стремиться к гармонизации деятельной и молитвенной жизни. Житийная литература Древней Руси также демонстрировала примеры жизни тех людей, которые раньше вели жизнь греховную, безнравственную, а затем путем собственного духовного совершенствования смогли победить в себе зло и приблизиться к нравственному идеалу. Например – столпник Никита Переяславский, за спиной у которого лихоимство, страсти, затем сменившиеся суровым покаянием. Такой пример показывает рядовому человеку, что начать восхождение к вершинам духовности никогда не поздно, у каждого есть возможность стать лучше, добрее, совершеннее. Главное – осознать необходимость покаяния и приложить все усилия для подавления внутри себя дурных помыслов.

Жизнь белоруской просветительницы Евфросинии Полоцкой – пример подвижнического служения ближнему, бескорыстной любви, а также строгой внутренней дисциплины. Пример Евфросинии Полоцкой показывал рядовому мирянину, что в реальной, земной жизни посредством милостыни, труда, просвещения можно приблизиться к нравственному идеалу. В «Житии» неоднократно звучит призыв к любви без лицемерия, к стремлению «мало вещати, а много разумети» [3, 78].

Этико-педагогическая мысль восточнославянских земель X–XIII вв. в качестве метода воспитательного воздействия на личность рассматривала применение наказаний и поощрений.

Говоря о необходимости применении наказания, древнерусские мыслители исходили из педагогических взглядов Иоанна Златоуста, который советовал: «Наступает момент, когда просьба бесполезна, здесь требуются не увещания, но уроки более сильные, строгие истязания, врачевание столь же крепкое, как зло» [4, 28]. Идея наказания за дурные поступки прослеживается практически во всех произведениях Кирилла Туровского. Так, например, в «Притче о слепце и хромце» нарушившие закон душа и тело сурово наказываются за своё преступление.

Однако необходимо отметить, что в педагогических воззрениях восточнославянских авторов X–XIII вв. прослеживается сочувственное, а порой и милостивое отношение к «падшим», к страдающим, вне зависимости от тяжести их греха. Здесь уже можно говорить о зарождении гуманистического характера нравственного воспитания на древнерусских землях.

Наиболее ярко гуманистический подход к человеку вообще и к наказанию в частности присутствует у митрополита Иллариона. Илларион также говорит о неотвратимости наказания за дурные поступки, но в то же время в «Молитве» он призывает Бога: «...мало накажи, но много помилуй, мало уязви, но милостиво исцели... Но по делам нашим не сотвори нам, как и граду тому, и по грехам нашим не

воздай нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева Твоего...» [2, 123]. Если другие произведения этико-педагогической мысли Древней Руси запугивали человека гневом Господним, то Илларион не призывал кару на людей, он молил Бога не о наказании, а о сострадании: «...укроти гнев, умиласердись, ибо Твоё есть – помиловать и спасти...» [2, 124].

Восточнославянские мыслители X–XIII вв. отмечали, что процесс нравственно-духовного развития личности становится более эффективным, если метод наказания сочетается с поощрением. Если поступки индивида одобряются, вызывают позитивную оценку у его наставника и социального окружения, то он проникается осознанием правильности собственного поведения, в нём вызываются положительные эмоции, что закрепляет потребности и мотивы нравственной деятельности.

В этом смысле очень важно, чтобы совпадали оценочные суждения человека и той среды, к которой он принадлежит. Нужно отметить, что при доминировании принципа общности, соборности в социальной и культурной жизни восточных славян в X–XIII вв. практически не встречается диссонанса в оценочных суждениях относительно того, какой должна быть жизнь высоконравственной личности.

Духовная традиция Киевской Руси в качестве одного из методов нравственного воспитания личности рассматривала создание ситуаций, в которых индивид должен сделать свой нравственный выбор. В такой ситуации человек может реализовать себя и как представитель определенной социальной группы, и как индивидуальность. Исходный момент в создании воспитывающей ситуации – признание человека свободным, ответственным за свои поступки.

Ситуация нравственного выбора предлагается Нестором на примере князей Бориса и Глеба: или спастись самим, или пожертвовать своей жизнью ради спасения дружины. Конечно, такая суровая альтернатива крайне редко присутствует в жизни простого человека, но он должен проникнуться осознанием тех мотивов, которые двигали князьями; представить, как сам бы он повел себя в подобной ситуации. Мотив жертвенной любви к ближнему, который руководил князьями в момент их нравственного выбора, должен в той или иной форме присутствовать в жизни каждого человека.

Сама христианская картина мира и система ценностей ставит человека в состояние напряженного нравственного выбора между духовным, нравственным и телесным, греховным. Именно с позиций такого выбора индивид существует в окружающем мире и в своей социальной среде. Каждый его поступок представляет собой либо подтверждение этого выбора, либо его отрицание. Поэтому очень важно, чтобы в сознании личности делаемый ею выбор в пользу добра находил отклик в виде стремления постоянно, в каждом поступке подтверждать свою приверженность общепринятой системе ценностей. Повседневная жизнь любого человека состоит из множества ситуаций, требующих разрешения нравственного выбора, например: милостыня, прощение, ограничение собственного тщеславия, гордыни и т.д. Поэтому данный метод воспитания действует постоянно. Задача воспитателя – помочь осознать и прочувствовать собственно воспитывающую ситуацию и определиться с выбором в пользу духовности. В последующем такой выбор должен подтверждаться всем образом жизни воспитуемого, его каждодневными делами и отношением к окружающим.

Вышерассмотренные методы нравственного воспитания реализовывались с помощью ряда средств, среди которых древнерусские мыслители особо выделяли: аскетический подвиг, милостыню, беседы, наставления, труд, покаяние, развитие в человеке страха Божьего, самопознание и др.

Именно покаяние рассматривалось восточнославянскими просветителями изучаемого периода как одно из ключевых средств нравственного воспитания

личности. Кирилл Туровский полагал, что покаяние делает возможным духовно-нравственное совершенствование личности. Мыслитель отмечал: «Древо жизни – это смиренномудрие, начало которому покаяние [2, 199]. Владимир Мономах называл покаяние в числе «трех добрых дел», посредством которых человек реализует своё нравственное начало и обретает спасение. Покаяние открывает человеку доступ к любви, совести, чувству долга и т.д. Можно утверждать, что данное средство воспитания представляет своеобразный «труд души» человека. Его необходимость в процессе нравственного развития личности в последующем была взята на вооружение и светской педагогикой. Любое воспитательное требование, наставление останется мёртвой буквой, если индивид не «примерит его на себя» при оценке собственных поступков. В современной педагогической науке «труд души» является средством, при помощи которого осуществляется бинарный метод воспитания «дилемма – рефлексия».

В философско-педагогическом наследии Киевской Руси большой воспитательной силой наделялась милостыня. Древнерусская этико-педагогическая мысль исходила из утверждения Иоанна Златоуста о том, что «человек, не дающий милостыни и не заботящийся о бедных, не может быть спасён» [4, 306]. Любовь к ближнему виделась, прежде всего, в сострадании страждущему, в оказании личной милостыни. Эта идея находилась в основании практического нравоучения на восточнославянских землях X–XIII вв. В средневековье считалось, что бедные и неимущие стоят ближе к Христу, чем собственники. Поэтому благотворительность в пользу бедных всячески поощрялась. Во время оказания милостыни происходит процесс нравственно-духовного взаимодействия – благотворитель, воочию столкнувшись с людской нуждой, облегчает её, становясь лучше, добрее; а нуждающийся видит того, кто ему помог, и он молится за его спасение, принимая тем самым участие в жизни того человека, который протянул руку помощи. С точки зрения А.С. Майхровича, особое внимание к обездоленным – это внимание ко всем людям, к каждому; это вера и надежда на их развитие и совершенствование, залог их возвышения [5, 45].

Таким образом, представленные в духовной традиции Киевской Руси методические основы нравственного воспитания позволяли достичь успешной реализации заявленных целей воспитания, то есть формирования высоконравственной, с точки зрения христианских этических ценностей, личности, которая бы гармонично вписывалась в реалии своей исторической эпохи.

Список использованных источников

1. Левшун, Л.В. Очерки истории восточнославянской средневековой книжности: эволюция творческих методов / Л.В. Левшун. – Минск: Европейский гуманитарный университет, 2000. – 270 с.
2. Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 685 с.
3. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 384 с.
4. Иоанн Златоуст. О воспитании / Златоуст, Иоанн – М.: Паломник. – 903 с.
5. Майхрович, А.С. Становление нравственного сознания (Из истории духовной культуры Беларуси) / А.С. Майхрович. – Минск: Наука и техника, 1996. – 205 с.